

Н. БАЖЕНОВ

Болезнь и смерть Гоголя *

(Посвящается памяти покойного профессора
Московского университета С. С. Корсакова ¹⁾)

Anstoteles ait omnes ingeniosos melancholicos.
*Cicero*²

Если обратиться к биографическим и эпистолярным ** материалам и попытаться на основании их воссоздать течение болезни Гоголя и изобразить ее графически, то мы получим волнообразную линию, в которой с несомненною периодичностью в течение всей второй половины жизни его повторяются резкие колебания этой кривой, соответственно периодам понижения тона и, выражаясь языком медицинским, соответственно периодам депрессии. Вслед за этими периодами кривая подымается вверх и дает волну большей активности, жизнерадостности, прилива умственных и физических сил, повышения настроения. Этим повышениям тона нервно-психической жизни соответствуют и наиболее активные периоды его творческой деятельности. Но уже в течение всего последнего десятилетия, очевидно, под влиянием ряда перенесенных приступов психоза — талант угасает, работоспособность исчезает; внутренние побуждения к художественной работе остаются, но ослабленная болезнью сила творчества уже непропорциональна иногда грандиозным замыслам и планам писателя. В его переписке за этот период времени постоянно повторяются жалобы на то, что *«не живет и не пишется»*. В письме

* Русская Мысль, кн. I, 1902 г.

** Считаю долгом принести здесь мою глубокую признательность известному исследователю биографии Гоголя, Вл. Ив. Шенроку, благодаря любезности которого я мог воспользоваться для настоящей работы еще в корректурах, непопавшимся тогда в свет полным собранием писем Гоголя, только на днях поступившим на книжный рынок.

к Жуковскому (14 дек. 1849 г., Москва) он спрашивает: «Что это? старость или временное оцепенение сил?.. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги, но строки лепятся вяло; а время летит невозвратно. Или в самом деле 42 года есть для меня старость»? И ранее в другом письме к Жуковскому (3 апр. 1849 г.): «Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю, что и приурочиваю, то идет медленно и не может никак выйти скоро и Бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять». Эти периодические повторения меланхолических депрессивных периодов в жизни Гоголя можно отметить, начиная с первой половины 30-х годов. Уже 1833 г. был, как выражается не психиатр, а историк литературы — Шенрок, мертвым годом для Гоголя. Шенрок отмечает поразительную непроизводительность Гоголя в этом году и высказывает предположение, что это объясняется болезнью. Кулиш, первый биограф Гоголя, также отмечает, что «в промежуток между июлем и ноябрем с Гоголем случилось нечто необыкновенное», но что именно, остается неизвестным. Сам Гоголь в письме от 9 ноября этого года пишет, между прочим, в очень загадочной форме: «Если бы вы знали, какие со мной странные происходят перевороты, как сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережил*, сколько перестрадал.

В прагматической части биографии Гоголя нет решительно никаких указаний на какие-либо внешние обстоятельства, которыми могла бы быть объяснима цитированная фраза; я поэтому склоняюсь к предположению, что Гоголь писал эти слова, только что выйдя из первого приступа своей периодической меланхолии, еще ошеломленный этим и не дающий себе ясного отчета в том, что произошло с ним. К наступлению нового 1834 года относится известное поэтическое воззвание Гоголя к гению**»; с этим совпадает, — я опять цитирую Шенрока, — необычайный подъем духа автора, находившийся в самом решительном и резком противо-

* Так читает это слово Кулиш. Шенрок читает «пережег». Я предпочитаю первое чтение.

** Страничка «1834 год», в V т. полн. собр. соч.: «Я совершу... Я совершу. Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле Божество!»

речи с сумрачным настроением его во весь предшествующий год и с тем глухим застоём в деятельности Гоголя, который еще недавно повергал его в уныние.

В 1837 году начинается новое заболевание; это опять-таки не оставляет сомнения даже для не-врачей, биографов Гоголя. С половины июля до октября переписка его совершенно прекращается. Судя по запискам Смирновой, которая лечилась тогда в Бадене, Гоголь приехал туда уже заболевающим, но высота развития меланхолического приступа, должно быть, относится к концу августа и сентябрю, когда Смирнова уже уехала. В конце лета 1838 г. снова начинается подавленное состояние, причем наибольшая глубина депрессивной волны приходится, по-видимому, на сентябрь. В июле Гоголь чувствует себя еще очень хорошо*, но уже через месяц — в августе** появляются предвестники надвигающейся депрессии — обострение болезненных неврастенических симптомов и упадок психической работоспособности, затем в конце августа по начало октября полный перерыв переписки. Гоголь охотно и много переписывался и, по аналогии с другими такими же периодами пробела в его корреспонденции, можно с большою вероятностью предположить, что причиной этому было ожесточение меланхолической подавленности. В октябре его корреспонденция уже снова принимает жизнерадостный шуточный тон***. Но если бы в его письмах и не содержалось даже определенных указаний на состояние его здоровья, то достаточно было бы уловить в них следы его психической реакции на окружающее, чтобы констатировать резкие и типичные колебания и смены его настроения. Так, наприим., очень характерно, как та же самая неаполитанская природа, которая в июльском и октябрьском письмах вызывает в Гоголе восторженные описания, в августе, при пониженном душевном тоне, воспринимается

* Письмо к матеря (30 июля 1838 г., Неаполь): «Здоровье мое недурно... Я ожидал, что жары здешние будут для меня невыносимы, но вышло на против: а едва их слышу, даже не потею и не устаю».

** Письмо к Погодину (20 авг. 1838 г., Неаполь): «Увы! здоровье мое плохо... сижу над трудом, о котором ты уже знаешь, но работа моя вяла, нет той живости... недуг, для которого я уехал и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь». И письмо к Данилевскому (от того же числа): «Я так себя чувствовал хорошо. Теперь мне хуже».

*** См. письма к матери (октяб. 1–13), кн. Репниной (14 октяб.?), сестрам (15 окт.).

им почти отрицательно, и описание неаполитанской природы блекнет и тускнеет под его пером*.

Весь 1839 г., а также начало 1840 г. принадлежат к лучшим периодам второй половины жизни Гоголя; здоровье его очень удовлетворительно, и он находится в хорошем психическом состоянии, но уже с весны 40-го года** начинается новая депрессия, которая летом этого года достигает степени тяжелого меланхолического приступа — одного из самых тяжелых на многострадальном веку нашего несчастного и больного поэта. Его письмо к Погодину из Рима от 17 окт. 1840 г. содержит все данные для полной истории этого заболевания. Он доехал до Вены в прекрасном настроении***; как это нередко наблюдается в той форме психоза****, которую страдал Гоголь, и как это и бывало с ним обыкновенно — меланхолическому приступу предшествовало повышение душевного строя, — увы! — очень непродолжительное.

* См., наприм., описание Неаполя в письмах этого периода; в июльском письме к матери: «Вид Неаполя... удивительный. Передо мною море, голубое, как небо, лиловые и розовые горы... небо здесь ясно и светло-голубого цвета, но такого яркого, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Все светло... кажется, здесь совсем нет теней... наслаждаюсь видом залива, Везувия, Неаполя и удивительных окрестностей». В октябрьском к княг. Репниной (из Рима): «Итак, вы уже в Неаполе! Как я завидую вам! Глядите на море, купаетесь мыслью в яхонтовом небе, пьете, как мадеру, упоительный воздух». А в промежутке между этими двумя отзывами о Неаполе мы читаем в августовском письме к Данилевскому (из Неаполя): «Нет, Рим лучше. Здесь душно, пыльно, нечисто... странно: мне все кажется, как будто я не в Италии. Сосен этих, на которых мы привыкли нежить когда-то глаз свой, нет, кипарисов тоже. Вместо их низенькие деревья... Небо... я, кажется, еще не пригляделся к нему. Мог ли бы ты подумать? оно совершенно светло-голубое. Мне было неприятно это... Пальм нет, и вообще врут, что будто за Террачином начинается другая природа, африканская: в Террачине на скале две пальмы и потом их нигде нет и мне показалось, что я приехал в Ломбардию. Время я провожу кое-как».

** Письмо Белозерскому³ (Москва, 12 апр. 1840 г.): «Здоровье мое и я сам не гожусь для здешнего климата, а главное — моя бедная душа: ей нет здесь приюта... я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской».

*** Письмо С. Т. Аксакову из Вены от 7 июля 1840 г.

**** См., наприм., Kirn: «Die periodische Psychosen», S. 52: «Подобно меланхолическому стадии при мании, мы часто наблюдаем при периодической меланхолии легкое маниакальное вступление и заключение... оно выражается в приподнятом веселом настроении, стремлении к деятельности, в ощущении свежести и повышенного физического и психического самочувствия».

Мы читаем в этом письме его: «Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как рой разбуженных пчел, воображение мое становится чутко. Нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться... О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Виельгорского в последние минуты жизни!».. Несмотря на его переезд в Рим — осенью этого года улучшение было еще не резко выражено: «Ни Рим, ни небо, ни то, что так причаровывало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую»... и только к зиме он поправился настолько, что мог (в письме к Аксакову от 28 дек.) сказать о себе, что он «здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни» и приняться снова за работу с надеждою, что из «Мертвых душ» выйдет «со временем кое-что колоссальное». От того же 28 дек. он пишет Погодину: «Мне теперь все трынтрава. Если только мое свежее состояние продолжится до весны или лета, то, может быть, мне удастся приготовить что-нибудь к печати кроме первого тома “Мертвых душ”». 1841 г., по свидетельству Анненкова, прошедшего этот год в Риме, Гоголь здоров и даже находится, по-видимому, в несколько повышенном настроении, судя по некоторым его письмам *. Но уже в самом начале 1842 г. кривая понижается, на целом ряде его писем ** можно

* Аксакову (5 марта <18>41 г.): «Да, друг мой, я глубоко счастлив. Несмотря на болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей»... Ему же (13 марта): «Труд мой велик, мой подвиг спасителен». Данилевскому (7 авг.): «О, верь словам моим! Властью высшего облечено отныне мое слово». Языкову (окт. 23): «У меня на душе хорошо и светло».

** Одоевскому⁴ (начало янв. <18>42 г.): «Времени нет мне перевести дух, я очень болен и в силу двигаюсь». Плетневу (7 янв.): «Расстроенный и телом, и духом пишу к вам». Максимовичу (10 янв.): «Я уже хотел было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылезло из нее. Она у меня одеревенела и ошеломлена так, что я ничего не в состоянии делать». Языкову (февр. 10): «Меня мучит и свет и сжимает тоска... Я чувствую, что разорвались последние узы, связывавшие меня со светом... чувствую с каждым днем и часом, — что нет выше удела на свете, как звание монаха». Прокоповичу (без даты): «Я не писал тебе, потому что не был в силах, так устал... от болезни моей, которой припадки были теперь сильнее, нежели когда-нибудь».

констатировать, как усиливалось его меланхолическое состояние, пока оно не выразилось с теми же типичными симптомами, как приступ, перенесенный им в Вене. В письме к Балабиной (февр. 1842 г.) он пишет: «Я был болен, очень болен, и еще болен доныне внутреню. Болезнь моя выражается такими страшными припадками, каких никогда со мною еще не было, *но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене*». К весне психическое здоровье его улучшается и душевный строй повышается настолько, что в конце марта он пишет Языкову: «Я еду к тебе с огромною свитой. Несу тебе и свежесть, и силу, и веселье, и кое-что под мышкою». К этой эпохе относится появление в свет 2-й части «Мертвых душ» и первое издание собрания его сочинений. Этим годом, можно сказать, заканчивается творческий период жизни поэта. На этот раз период душевного здоровья продолжается довольно долго, хотя ко второй половине 43 года и относится Анненковым и Тихонравовым первое сожжение 2-го тома «Мертвых душ», но, по-видимому, это произошло не в приступе меланхолического состояния; Гоголь и раньше уже прибегал к сожжению не только рукописей своих, которыми был недоволен, но даже напечатанного уже и вышедшего в свет произведения.

Зиму 1843–<18>44 года Гоголь проводит в Ницце в обществе А. О. Смирновой, Соллогуб и Виельгорских. О том, какое влияние имели они на Гоголя, вы уже знаете из приведенного мною отзыва Аксакова. Не они бы могли поддержать падающий дух его. В этот период Гоголь, правда, не пережил резкого приступа меланхолического состояния, такого, наприм., как в 1840 г. в Вене; ему то похуже, то получше, он может еще немного работать и по временам бывает оживленнее, но в общем этот период в его жизни должен быть отнесен к периодам депрессивным. Он пишет Аксакову (10 фев. 1844 г.), объясняя свое молчание: «Причиною этого было отчасти физическое болезненное расположение, содержавшее дух мой в каком-то бесчувственно-сонном положении» и к Россет: «Надоело сильно мое болезненное состояние, препятствующее всякой работе». И так с такими же колебаниями — то улучшения, то обострения апатии и тоски — тянется это состояние до осени этого года, когда Гоголь пишет Языкову (12 ноября 1844 г.): «После купанья я чувствую себя лучше, ибо, надо тебе сказать правду, я был слишком болен летом и так дурен, как давно себя не помню. Нервы до такой степени были расстроены, что не в силах

был не только что-нибудь делать, но даже ничего не делать». Это состояние относительного психического здоровья было только временным улучшением на протяжении длительного депрессивного периода, и уже в начале 1845 г. меланхолический приступ выражается в полной силе. Он мечется из Франкфурта в Париж, из Парижа снова в Франкфурт, потом по курортам и, очевидно, нигде не находит себе облегчения; состояние тревоги и тоски нарастает и достигает наиболее выраженной степени к лету. 4 июня он пишет Смирновой: «Я страдаю весь душой от страдания моего тела, и душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь». В это полугодие Гоголь дважды говееет, — до такой степени чувствует он себя плохо и ожидает смерти, — между тем на самом деле искуснейшие врачи того времени, наприм., знаменитый Шенлейн, Круккенберг и Карус⁵, не могли найти в нем никакого хронического страдания, только нервное расстройство, и первый из них назначил только легкое водолечение.

Это тягостное состояние, о котором Гоголь еще в июле писал Шереметевой: «здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут», после водолечения в Грейфенберге начинает улучшаться и в октябрьских письмах он сообщает уже своим друзьям и матери, что он поправился и чувствует себя хорошо. За этим длительным и тяжелым депрессивным периодом следует около двух лет душевного здоровья и даже временного повышенного настроения. Но судьба безжалостна к нашему писателю. Едва ли не к осени 1845 года, проведенной в Риме, должно быть отнесено то заболевание малярией, о которой свидетельствуют Смирнова и Аксаков, но о чем сам Гоголь в своих письмах не упоминает. Делаю это предположение, ибо именно малярией и обусловленным ею малокровием всего вероятнее объяснить те своеобразные болезненные явления, на которые он с тех пор часто жалуется: «Чувствую слабость, что всего непонятнее, до такой степени зябкость, что не имею времени сидеть в комнате, должен ежеминутно бегать согреваться. Едва же согреюсь и приду, как в миг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бегать согреваться. В такой беготне проходит почти весь день» (письмо Аксакову, Рим, 15 ноября 1845 г.).

Чрезвычайно интересно и характерно и очень важно отметить здесь, что циклическое течение душевной болезни Гоголя совершенно независимо от его физического здоровья и телесных недугов; те же жалобы на «странную зябкость, какой не чувствовал доселе»

повторяются и в письме к Плетневу (28 ноября 1845 г.), но Гоголь досаждает главным образом на причиненную этим состоянием потерю времени, ибо «чувствует и голову и мысли более свежими» и рад бы «засесть за труд, от которого сильно отвлекали прежде недуги и *внутреннее душевное состояние*». Весьма любопытно в этом отношении письмо к А. П. Толстому (Рим, 2 янв. 1846 г.), дающее полную картину состояния здоровья Гоголя, из которой с очевидностью явствует эта совершенная независимость его душевного недуга от состояния его физического здоровья: «Вот вам мое нынешнее состояние: я зябну теперь до такой степени, что ни огонь, ни движение, ни ходьба меня не согревают. Мне нужно много бегать, чтобы сколько-нибудь согреть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсем ослабели ноги и силы, жилы болят и пухнут. Но благодарю милосердного Бога, что, несмотря на невыносимо-болезненное чувство, которое слышит все мое тело, находящееся вечно в *лихорадочном* состоянии, *ни хандра, ни скорбь* еще не находили на меня».

Следующая волна депрессии приходится на лето 1848 г. Гоголь только что совершил путешествие на восток и в Палестину, возвратился в Россию в хорошем состоянии здоровья и приехал к себе в Васильевку; уже вскоре его душевный строй начинает понижаться. В июле он пишет Аксакову: «Тоска, даже читать самого легкого чтения не в силах». К осени ему лучше, но еще в конце октября в письме к Виельгорским мы читаем: «Что до меня, я только что оправляюсь от бессонниц своих, которые продолжаются даже и здесь, в Москве, и теперь только начинают прекращаться». Но, как это уже наблюдалось и раньше, это не выздоровление, а только одно из временных улучшений в депрессивном состоянии. Так, в феврале 1849 г. он говорит Данилевскому о «болезни, в которой находился тогда, от которой еще не вполне освободился и теперь». Впрочем, в письме к Смирновой (от 27 мая 1849 г.) мы находим все необходимые нам указания на смену периодов в его психическом настроении за это время: «Мое здоровье лучше. Зимой я провел хорошо. В конце ее только пришла хандра, которую я старался всячески побеждать. Но с приближением весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнув в такое уныние, в такую нерешимость, в такую тоску от собственной нерешимости, что я весь истомился». А в начале июня он извещает Шереметеву: «Я только что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг

меня потрясла и расколебала всего», и К. М. Базили⁶: «Весною заболел, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не в таком состоянии, чтобы светло заняться делом». Следующие года — вся вторая половина 1849 г., весь 1850 и 1851 года, протекают с теми же колебаниями. Нет, правда, резких меланхолических припадков, а только депрессивные обострения, но нет и длительного состояния психического здоровья. В общем это должно быть признано за несомненное ухудшение в течении его психоза. Болезнь приняла более хроническое течение. Соответственно этому, все резче и яснее становится упадок его творческих сил и гения. Он сам это мучительно чувствует и жалуется на «приглушение способностей и сил», не может себе объяснить, почему он «никогда еще так мало не делал как теперь», хотя «меньше чем когда-либо развлечен и ведет жизнь более чем когда-либо уединенную» (Данилевскому 1 июля 1849 г.). Марковичу⁷ (6 декабря 1849 г.): «По-прежнему сижу за делом, а делается мало». Те же жалобы повторяются и дальше в ряде писем. Поздняя осень и зима 1850 г. все-таки принесли Гоголю некоторое облегчение, и это отражается в его корреспонденции, но мучительное ощущение упадка художественного вдохновения омрачает Гоголю эти последние годы его жизни. Временами он снова надеется, что гений его воскреснет: «Стало быть, — пишет он Толстому 20 августа 1850 г., — несмотря на то, что старею и хирею, те же силы умственные, слава Богу, еще свежи», но уже 2 сентября того же года матери: «Думал и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги, отказалась голова... Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. Вижу и знаю, что работа при моем болезненном организме тяжела». В конце того же месяца ему снова хуже. Он уже опасается периодического наступления меланхолического состояния и пишет матери: «Я захандрю и впаду в ипохондрию». В «Авторской исповеди» мы находим скорбное и совершенно определенное признание больного поэта в угасании творческой силы: «Несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо, хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вроде небольшой повести или какого-нибудь литературного сочинения, и не мог произвести ничего. Усилия мои оканчивались почти всегда болезнью, страданием и, наконец, такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякое занятие». Признание это заканчивается трагическим воплем: «Винovat я был разве в том, что не в силах

был повторять то же, что говорил или писал в юношеские годы? Как будто две весны бывает в возрасте человеческом!» И действительно, в течение этого последнего десятилетия его жизни Гоголь работает над второю частью «Мертвых душ», но, по меткому выражению Анненкова *, она стала для Гоголя «той подвижническою келиею, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее».

Ненормальность его душевного состояния в эту эпоху его жизни бросалась в глаза многим из его современников. И. С. Тургенев, говоря о своих посещениях Гоголя в последний год жизни его, выражается на этот счет очень определенно: «Мы (с Щепкиным) ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... вся Москва была о нем такого мнения» **.

Я полагаю, что в предшествующем достаточно доказано, что Гоголь страдал периодическим депрессивным психозом. Однако и при жизни его, и после его смерти, правда, в очень неопределенной форме ходили слухи, которые могли бы вызвать предположение, что он страдал другою формою душевного расстройства, связанною с галлюцинаторными явлениями и бредом религиозно-мистического характера. Полноты ради считаю нужным сказать об этом несколько слов. Во-первых, во всей довольно обширной теперь литературе о Гоголе имеются только два указания — и то косвенных, из третьих рук, — на то, что у Гоголя бывали галлюцинации. Именно в «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков говорит ***, что он «слышал, что Гоголь во время болезни (в Риме) имел какие-то видения, о которых он тогда же рассказал ходившему за ним... Боткину» и Берг передает ****, будто Гоголь во время предсмертной болезни сказал доктору Оверу, что он готов умереть: «я уже слышал голоса». Странным образом о последнем факте, кроме этого совершенно изолированного показания Берга, не упоминает никто из довольно многочисленных свидетелей-очевидцев последних дней Гоголя, — ни Арнольди *****,

* Анненков: «Критические очерки и воспоминания», т. I, стр. 196.

** Тургенев: «Литературные воспоминания». Полное собр. сочин. Издание 2-е, т. X, стр. 66.

*** Аксаков: Л. с, стр. 46.

**** Берг: «Воспоминание о Гоголе». Русская Старина 1872 г., I, стр. 127.

***** Арнольди: «Воспоминания о Гоголе». Русский Вестн. 1862 г. I.

ни теща Погодина *, ни Плетнев **, ни многие другие, которые с сердечной болью и напряженным вниманием следили за его предсмертной болезнью (как, например, Аксаковы ***, Хомяков ****, Павлов ***** и проч.) и которые могли иметь достоверные сведения из первых рук, и, что в особенности важно — об этом ни одним словом не обмолвился доктор Тарасенков^{6*}, участвовавший на всех консилиумах и оставивший очень детальный и обстоятельный исторический материал о последних днях Гоголя. Что же касается до «видений», которые были у Гоголя в Риме, то этот факт, если только он достоверен^{7*}, в чем тоже можно сомневаться, может быть всего правильнее объяснен бредом и галлюцинациями при повышенной температуре во время приступа римской малярии, которую он в то время, по-видимому, страдал.

Итак, в симптоматологии душевной болезни Гоголя нет галлюцинаторных явлений. Нет также и бреда в тесном смысле этого слова. Те расстройства его интеллектуальной деятельности, которые действительно существовали, могут быть названы скорее количественными, чем качественными, ибо объясняются значительным колебанием в общей напряженности психических процессов, лежащих в основе интеллектуальной деятельности. Если к этому

* См. письмо ее к Погодину, писанное в самый день кончины Гоголя. Барсуков «Жизнь и труды Погодина». Т. XI, стр. 535.

** См. «Письмо Плетнева к Жуковскому». Ibid., стр. 545.

*** Письмо С. Т. Аксакова к М. Ив. Гоголь, — в «Истории моего знакомства с Гоголем». Стр. 199.

**** Хомяков: «Полное собрание сочин.». Т. VIII, Письмо от февраля 1852 г.

***** Письмо Н. Ф. Павлова к А. В. Веневитинову от 1 марта 1854 г.

^{6*} Правда, Тарасенков рассказывает, что в ночь с пятницы на субботу (т. е. с 8 на 9 февр.) Гоголь, проснувшись, послал за священником, чтобы снова причаститься и собороваться, потому что «видел себя умершим и слышал какие-то голоса...» и прибавляет, что в данном случае имеет существенное значение: «Верно, мысль о смерти преследовала его и во сне». Было ли это просто сновидение, встревожившее больного, или гипнагогическая галлюцинация, — во всяком случае это не то, о чем рассказывает Берг, и на основании этого показания Тарасенкова нельзя говорить о наличии в картине душевной болезни Гоголя — галлюцинаторных явлений; скорее наоборот, ибо об этом упоминается лишь вскользь и эпизодически.

^{7*} Такого характера достоверности свидетельство Аксакова не носит: «Я слышал» без указания источника. Смирнова, несмотря на свою близость к Гоголю и на то, что в это время она тоже была в Италии, ничего об этом не упоминает. Точно так же не упоминается об этом и в письмах Гоголя, а он не скупился на очень детальные сообщения о всем, что касалось его здоровья.

и примешивались в известной степени некоторые качественные расстройства интеллекта, то только в форме отрывочных идей ипохондрического характера и, может быть, некоторой переоценки своей личности, что совпадает с повышением психической кривой после протекшего меланхолического приступа, когда Гоголь впадал в то, что С. Т. Аксаков называл «противным тоном наставника», и когда у него, как мы уже видели выше, появлялась мысль о своем провиденциальном назначении. И не только с нашей специальной точки зрения мы в праве рассматривать этот болезненно-приподнятый тон и настроение как выражение состояний патологической экзальтации, сопровождающих меланхолические депрессивные приступы, но даже историки литературы останавливались в недоумении перед этим психопатическим явлением душевной жизни Гоголя и спрашивали себя, не следует ли видеть в этом симптома «серьезной психической ненормальности» *. На этот вопрос ответил сам Гоголь. Временами он, очевидно, отдавал себе совершенно ясно отчет в том, что в периоды, следующие за депрессивными приступами, его психическое равновесие устанавливается не сразу, но проходит сначала через такой стадий, в котором он не владеет своим разумом и волею. В этом отношении чрезвычайно важны, убедительны и характерны уже цитированные письма к Иванову и о. Матвею, в котором Сам Гоголь объясняет и *оправдывает* появление «Переписки с друзьями» тем, что он выпустил эту книгу слишком скоро после своего «болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в надлежащий порядок».

По отношению к Гоголю нельзя говорить о бредовом психозе с преобладанием идей религиозно-мистического характера.

С моей специальной точки зрения я присоединяюсь к протестам против довольно распространенного мнения, вырвавшимся у известного французского литературного критика **, знатока нашей беллетристики, заявившего, что если слова соответствуют определенным понятиям, то Гоголя нельзя называть мистиком,

* Шенрок. Op. cit. IV, стр. 8, примеч.

** Melchior de Vogue (Rev. des deux Mondes. 1885, 18 Nov., p. 277): «On decreta qu'il etait tombe dans le mysticisme, on l'enterra sous ce mot. Le mysticisme de Gogol est un fait acquis. L'opinion fut si bien prevenu que je crains d'etonner les Russes en demandant la revision du proces. Je relis attentivement les lettres de l'accuse; j'ai recueilli le temoignage de personnes qui vecurent a cette epoque aupres de lui. Si les mots de notre langue ont un sens defini Nicolas Wassiliewitch ne fut pas un mystique».

у О. Н. Смирновой *, знавшей Гоголя лично и имевшей о нем подробные и достоверные сведения из очень компетентного источника и прежде всех у самого Гоголя **.

При оценке этой стороны психики не следует забывать, что он родился и воспитывался в очень религиозной семье ***, с детства и до смерти был глубоко верующим человеком и в такой же среде постоянно жил и действовал ****. Понятие мистицизма к нему приложимо не более, чем к ближайшим его друзьям — Погодину, Плетневу, Языкову, Хомякову, Смирновой ***** и пр. к его старшему

* Записки Смирновой, I, стр. 9: «Пора бы сдать в архив мистицизм, как способ смягчить выражение, изобретенный Белинским ради цензурных соображений...»

** Письмо С. Т. Аксакову (Франкфурт, 16 мая 1844 г.). «О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая».

*** В одном из писем к матери он воспроизводит яркую картину зарождения в нем еще в детстве живого религиозного чувства: «...я живо, как теперь, помню этот случай, — я просил вас рассказать мне о Страшном Суде и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло меня и разбудило во мне всю чувствительность; это заронило и пробудило во мне всякие мысли».

**** Даже влияние на Гоголя в последние годы его жизни ржевского священника о. Матвея имеет свой pendant в более раннем периоде жизни нашего писателя. См. письмо его к матери (Москва, 25 янв. 1840 г.): «К счастью моему сюда приехал архимандрит Макарий⁸, муж известный своею святою жизнью, редкими добродетелями и пламенною ревностью к вере. Я просил его, и он так добр, что, несмотря на неимение времени и кучу дел, приезжает к нам и научает сестер моих великим истинам христианским. Я сам по нескольким часам останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышал я, чтобы пастырь так глубоко, с таким убеждением, с такою мудростью и простотою говорил».

***** Для характеристики степени возвышенности религиозного мирозерцания таких блестящих представительниц тогдашнего петербургского beau-monde, каковы Смирнова и Виельгорская, достаточно вспомнить, что в их переписке с Гоголем они являются иногда на интеллектуальном уровне замоскворецких купчих Островского и сообщают ему, напр., «о происшествии, случившемся в Иерусалиме, свидетелем которого был воронежский архиепрей, бывший тогда у Гроба Господня: именно о слышании небесного гласа во время Божественной литургии, который был истолкован патриархом, как пророчащим бедствия миру, если он не покается» (письмо к матери из Франкфурта от 12 дек. 1844 г.), и торопятся прислать ему привезенную воронежским архиереем специальную молитву по этому случаю. См. письмо к Гоголю А. О. Смирновой (Русская Старина, 1888 г., кн. X, стр. 130) и гр. Виельгорской (Вестник Европы, 1889 г., кн. X, стр. 490).

собрату и личному другу В. А. Жуковскому и даже, вероятно, в меньшей степени, чем ко многим другим из его кружка, напр., к А. П. Толстому или Виельгорским, не говоря уже, конечно, о его корреспонденте последнего периода, ржевском священнике, отце Матвее (Александровиче Константиновском)*.

Вообще говоря, при оценке мистического настроения Гоголя следует соблюдать законы исторической перспективы. Теперь, по истечении полустолетия очень легко впасть в ошибку, если произносить суждение об этой стороне психической жизни Гоголя, не принимая во внимание современных ему общественных течений и настроения того кружка, к которому он примыкал. Не должно забывать, что школьные годы Гоголя совпадали с реакционным пиэтизмом конца царствования Александра I; что с первых же шагов его на литературной арене Гоголь, еще юноша, с огромными недочетами в своем образовании, оказался интимно связанным с очень замкнутой великосветско-писательскою кoterиею, у которой уже сложились весьма определенные социальные, политические, художественные, философские и религиозные взгляды, и что эта тесная литературная группа «стала для Гоголя высшею школою, довершившей его образование»** (каковы были эти воззрения и до какой степени даже «Переписка с друзьями» была только отзвуком и формулою их, явствует из того, как отнеслись к этой книге представители этой литературной группы — Плетнев, Жуковский, кн. Вяземский, находившие***, что она была нужна и полезна и что Гоголь поступил правильно, отвернувшись от тех, кто придавал «Ревизору» и «Мертвым душам» значение общественно-политического протеста); что, наконец, почти все последнее 15-летие своей жизни он проводит за границею, оставаясь совершенно в стороне от того умственного движения, которое нарождалось и выросло в кружке Станкевича. Его личные отношения сложились так, что он почти не знал Белинского, но хорошо знал Шевырева, не был знаком с Грановским, но был близок

* Характеристику этого фанатического аскета, советовавшего Гоголю «бросить имя литератора и идти в монастырь» (см. Барсуков, Л. с, кн. X, стр. 571) и во время последней болезни Гоголя приведшего и без того исстрадавшегося поэта в ужас своими угрозами загробной кары (см. цитированное письмо Плетнева к Жуковскому) можно найти в «Воспоминаниях о графе Толстом» Т. И. Филиппова.

** Пыпин: «Характер. литер. Мнений», стр. 484 и след.

*** Соч. кн. Вяземского, т. II, стр. 313 и след.

с Погодиным, не встречался с Герценом, хотя и слышал о нем, и не имел никакого представления об остальных членах этого кружка, имевшего в истории развития русской мысли и русской общественности значение первостепенной важности.

В особенности не должно забывать, в какую тяжелую беспросветную эпоху русской культурной истории пришлось жить и писать Гоголю — достаточно сопоставить две даты: время появления его на арене общественной деятельности — 1828 год, т. е. в самый разгар реакции, последовавшей за декабрьскими событиями, сопровождавшими вступление на престол Николая I, и год кончины — 1852, накануне Севастопольской кампании, кровавым заревом осветившей мрак, сгустившийся в течение более чем четверти века над крепостной Россией гр. Бенкендорфов и Сквозников-Дмухановских.

И много позднее аналогичные исторические условия приводили не менее, чем сам Гоголь, гениальных преемников его к порывам на этом же пути найти выход из непримиримого противоречия, созданного окружающей жестокою и беспросветною действительностью с их моральными идеалами и общественными запросами... А в те годы даже Белинский едва не поколебался, и из-под его пера вылились строки, от которых ему пришлось потом с сокрушением и негодованием отказываться.

С той специальной точки зрения, которая теперь занимает меня, — характеристика Гоголевской эпохи, литературных и общественных настроений того времени входит в мою задачу только отчасти и лишь постольку, поскольку мне это необходимо, выражаясь врачебным термином, для дифференциальной диагностики, т. е. ради определения того, находится ли мистическое и аскетическое настроение Гоголя в психологических границах или оно должно уже быть отнесено к области психопатологии. Отвечая на этот вопрос — я, на основании всего только что изложенного, должен заключить, что если принять во внимание условия воспитания и образования Гоголя, среду, в которой он жил и с которой был тесно связан, и в особенности окружавшую его удручающую общественную атмосферу, — мы приходим к выводу, что в его мистико-пиэтическом настроении не было ничего бредового в тесном смысле этого слова и что можно говорить разве о гипертрофии некоторых свойств ума и характера Гоголя, а не об изменении его психической личности. Еще при жизни Гоголя и притом его ближайшими друзьями (кн. Вяземский) было произнесено слово

«перелом». На самом деле это не верно, никакого перелома отметить нельзя, и сама литературная критика уже вскоре после кончины Гоголя* с совершенной точностью установила, что ни измены прежним убеждениям, в чем иные обвиняли Гоголя, ни того якобы нужного и спасительного перелома в его душевной жизни, который приветствовался другими, — не существовало, и что на самом деле у Гоголя «во втором периоде сохранилось, кроме молодой веселости, все, что было в первом периоде и, наоборот, в письмах первого периода вы найдете уже те черты, которые, по-видимому, должны были бы принадлежать второму периоду».

Итак, и по этому не менее, и с нашей специально-врачебной точки зрения, важному вопросу, нам остается только примкнуть к суждению позднейшего историка литературы, Пыпина**. «...Личность Гоголя является цельной, развитие последовательным... Направление его последних годов имело основание в его давнишних понятиях, кроме которых он никогда и не имел других. Страшное противоречие с самим собою, мучившее его в последние годы, крылось в нем с самого начала. Это противоречие, которое называли борьбой художественного начала с аскетизмом, было в еще большей степени борьбой его врожденного высокого побуждения служить обществу, с теми ошибочными теоретическими представлениями об обществе, с которыми он сжился. В личной судьбе Гоголя отразилась борьба двух различных сторон общественного развития: как великий талант, он принадлежал к прогрессивной стороне, тогда как его теоретические понятия не шли дальше обиходного консерватизма — и здесь главный источник той борьбы понятий, которой он и не выдержал. Личная история Гоголя как писателя является характеристическим фактом в истории самого общества.

Его друзья... на первых порах поняли высокий поэтический талант Гоголя и его художественную силу, — но они не поняли общественного значения его произведений и потом отступились от них, когда сделалось ясно их действие на общество. Сам Гоголь также отступился от своих произведений, — потому что это действие их превышало степень теоретического понимания, вынесенную ими из его школы и его отношений»***.

* Чернышевский: «Очерки Гоголевского периода русской литературы».

** Пыпин: *Op. cit.*, стр. 473.

*** См. также Шенрок: *Op. cit.*, т. IV, стр. 559 и след.

После этого необходимого отступления в область истории литературы — возвращаясь снова к моей непосредственной задаче. Теперь мы переходим к последним неделям жизни Гоголя и анализу симптомов его предсмертной болезни.

1852 год Гоголь встретил в Москве. Летом и раннюю осень 1851 года здоровье его было неудовлетворительно, нервно-психический тон был понижен; лето он проводил в Спасском у Смирновой и «был нездоров, жаловался на расстройство нервов, на медленность пульса, на недеятельность желудка, не разговаривал ни с домашними слугами, ни с крестьянами, шутливость и затейливость исчезли» *. В сентябре у Аксаковых, в Абрамцове, Гоголь, по свидетельству Аксакова, был постоянно грустен; к сентябрю же относится его неудачная поездка на свадьбу сестры в Малороссию, причем он доехал только до Оптиной пустыни и возвратился назад (на вопрос Бодянского — почему? Гоголь ответил только: «Так, мне сделалось грустно», а Аксакову сослался на «нервное расстройство»).

Но осенью и зимой 1851 года состояние здоровья Гоголя вообще и психическое в частности так хорошо, как давно не было. Об этом единогласно свидетельствуют все наиболее близкие к нему современники. Так, Арнольди в своих воспоминаниях говорит: «Зимой этого года я виделся с Гоголем довольно часто, бывал у него по утрам и заставлял его почти всегда за работою».

Погодин передает, что этою зимою Гоголь принимал живейшее участие в издании своих сочинений, которое сразу печаталось в трех типографиях. Доктор Тарасенков свидетельствует, что в этот период Гоголь «близким к нему казался веселее обыкновенного; притом он нередко выходил со двора, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в нем в это время обнаруживалось больше, нежели прежде. Он даже стал заниматься тем, чем прежде пренебрегал или на что не решался: он поехал в театр посмотреть своего «Ревизора» на московской сцене. Оставшись недоволен исполнением, он пригласил к себе актеров и читал им многие сцены... Потом явился в театр посмотреть, как исполняется его пьеса после его замечаний»... Дату этого эпизода легко установить на основании показания И. С. Тургенева, это было в октябре 1851 г.; но еще в январе 1852 г. Гоголь собирался в театр посмотреть исполнение своих других пьес, ибо на одном

* Барсуков: *Op. cit.* XI, стр. 520.

обеде, где он встретился с Тарасенковым, он отговаривал последнего идти в тот вечер в Малый театр смотреть «Женитьбу»: «Не ходите сегодня, а вот я соберусь скоро, посмотрю прежде, как она идет, и уладив, извещу вас...» Из контекста же следует, что до 1852 г. Тарасенков не был знаком с Гоголем и что обед этот происходил за месяц до посещения Тарасенковым уже умирающего Гоголя, следовательно, это было около 15–20 января 1852 г. Да и из других указаний несомненно, что в течение всего января и даже в начале февраля — хорошее состояние здоровья Гоголя продолжалось. Во второй половине января Аксаков нашел его «довольно бодрым». Еще от 2 февраля мы имеем два письма его* — одно к Жуковскому, в котором мы читаем: «О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же». Другое к матери, и в нем Гоголь пишет: «Я сам тоже все это время чувствую себя как-то не так здоровым». По сравнению с другими жалобами его на свое здоровье — это звучит так неуверенно, что можно с положительностью сказать, что еще в начале февраля Гоголь чувствовал себя относительно недурно.

За девять дней до Масляной (следовательно, числа 25 января)** его видел Бодянский⁹ еще «полным энергичной деятельности». Он застал Гоголя за столом, на котором были разложены бумаги и корректуры. «Знаете ли, — говорит Бодянскому Гоголь, — я распорядился без вашего ведома. Я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя-тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Н. С. (Аксакова) положила на ноты с моего козлиного пения; да при этом уьемся и прежними нашими песнями. Будете ли вы свободны вечером?.. Я уже распорядился и мы соберемся у О. Ф. (Кошелевой) часов в семь, а впрочем, для большей верности, вы не уходите, я сам к вам заеду, и мы вместе отправимся на Поварскую»***.

Но вечеринке этой не суждено было состояться. В это время заболевает и умирает один из ближайших друзей Гоголя, Екатерина Михайловна Хомякова (урожденная Языкова, сестра поэта). Это событие послужило тем тяжким моральным толчком, который

* Третье от того же числа Репниной в Одессу. О нем известно лишь потому, что в своем письме от 23 февраля она пишет: «...получила ваше от 2 февраля...», но самое письмо Гоголя не сохранилось.

** В 1852 г. Масляная начиналась 3 февраля.

*** Кулиш «Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. II, стр. 258–259.

обусловил и вызвал новый и, может быть, самый жестокий в жизни Гоголя меланхолический приступ. Об этом свидетельствует сам Хомяков в одном из писем своих, относящихся к концу февраля 1852 г. *: «Николинкин крестный отец, Гоголь наш, умер. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясло; он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душой, особенно же Н. М. Языков. На панихиде он сказал: все для меня кончено».

На Гоголя, как он признается своему духовнику, «нашел страх смерти». На Масляной он говеет, питается одною просфорой и в четверг приобщается. Как раз в эти дни приезжает в Москву известный в то время священник-аскет, отец Матвей. Гоголь бросается к нему, но беседы о. Матвея так суровы, и так потрясают Гоголя, что он прерывает священника словами: «Довольно! Оставьте! Не могу долее слушать! Слишком страшно!» **. Затем он — типично для меланхолического состояния — совсем отказывается от пищи и проглатывает за обедом только несколько ложек капустного рассола в день. Однако силы настолько сохранились, что он еще в состоянии посещать некоторых близких друзей. В четверг на Масляной (следовательно, 7 февраля) он заезжал к Погодину *** и еще к двум **** знакомым, у кого именно, остается неизвестным, но в обоих домах он обратил на себя внимание своим болезненным видом. В субботу (9-го) он был у Хомякова ***** , а уже во вторник первой недели поста слуга гр. Толстого известил своего барина, что он боится «за ум и даже за жизнь Николая Васильевича, потому что он двое суток провел на коленях перед образом без питья и пищи» 6*.

* Хомяков. «Полное собр. сочин.». Т. VIII, стр. 209.

** Последнее дошедшее до нас (и, вероятно, действительно последнее в его жизни) письмо Гоголя помечено 6 февр., адресовано о. Матвею и относится именно до этого эпизода: «Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извинения в том, что оскорбил вас...»

*** Шенрок. Кн. IV, стр. 852, примеч.

**** Барсуков. Кн. XI, стр. 533, а также письмо неизвестного лица к Репниной, напечатанное в Русском Архиве, 1900 г., кн. IX: «...C'était le jeudi du carnaval... Il était serein, mais grave... ses yeux brillaient plus que jamais, sa figure était très pale, il avait beaucoup maigri cet hiver, mais son humeur ne recelait rien de maladif».

***** Хомяков. Цитир. выше письмо его в полном собр. его сочинений.

6* Письмо Плетнева к Жуковскому, приведено у Барсукова. Op. cit. XI, стр. 545.

И было чего испугаться! За эти 2–3 дня упадок питания и сил был так велик, что Гоголь едва в состоянии был подняться наверх, в комнаты гр. Толстого, где в понедельник и вторник первой недели было вечернее богослужение. Тогда же, в ночь с понедельника на вторник, великий писатель сжигает все свои рукописи и, по свидетельству доктора Тарасенкова: «С этой несчастной ночи он сделался еще слабее прежнего; не выходил более из своей комнаты, не изъявлял желанья видеть никого... отвечал на вопросы других коротко и отрывисто... По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает». Автор этих ценных воспоминаний о последних днях жизни Гоголя был первым приглашенным к нему врачом, но в среду Гоголь отказался принять его, и Тарасенков увидал его лишь в субботу, следовательно, 10 февраля. «Увидев его, — говорит Тарасенков, — я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал; он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек как бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело; глаза сделались тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык с трудом шевелился, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого раза. Он сидел, протянув ноги, не двигаясь и даже не переменяя прямого положения лица. Голова его несколько опрокинута назад и покоилась на спинке кресел, пульс был ослабленный, язык чистый, но сухой, кожа имела натуральную теплоту. По всем соображениям видно было, что у него нет горячечного состояния и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита».

Тарасенков прав: ни горячечного состояния, и вообще какого бы то ни было соматического заболевания не было констатировано и позднейшими консилиумами, на которых участвовали знаменитости того времени — профессора: Овер, Иноземцев, Варвинский, Альфонский и доктора Клименков, Тарасенков, Сокологорский и Эвениус¹⁰. Следовательно, надо искать другую причину столь быстрого истощения и упадка сил. Берем снова главу о периодическом психозе в уже цитированном мною руководстве Корсакова и находим в отделе диагностики при перечислении характерных кардинальных симптомов этого психоза следующее: «...указание

на то, что приступ психоза периодический дает быстрое ежедневное изменение в весе больного» *. Как видите, то, что непонятно и необъяснимо при всяких других диагностических предположениях, становится не только понятно и объяснимо с нашей точки зрения, но и является лишним аргументом в подтверждение поставленной нами диагностики.

На первой неделе Великого поста 52 года, следовательно, около 12 февраля, уже совершенно развернута картина меланхолического приступа в полном разгаре: отказ от пищи и лекарств, от всякого общения с окружающими, сильное истощение, бессонница и т. д. Первый приглашенный к нему врач проф. Иноземцев нашел только катар кишек и посоветовал ревенные пилюли (в виду упорной констипации) и лавро-вишневые капли. Затем уже в понедельник на второй неделе поста (т. е. 18 февраля) был приглашен проф. Овер, но ничего не назначил больному. Во вторник, 19-го, у постели Николая Васильевича собрались Альфонский и Овер. Первый предложил «магнетизирование» с целью покорить волю больного и заставить его принимать пищу. Для этой цели являлся вечером доктор Сокологорский, но без успеха. Поздно вечером приехал доктор Клименков и предложил кровопускание, но в виду предстоящего консилиума доктору Тарасенкову удалось отложить исполнение этого до следующего дня. В среду, 20-го, утром пульс был так слаб, что Тарасенков и Сокологорский думали уже прибегнуть к мускусу. В этот день состоялся консилиум в составе докторов: Овер, Эвениус, Клименков, Сокологорский, Тарасенков; проф. Варвинский опоздал и приехал позднее. На этом совещании Эвениус дал единственный рациональный при таком положении дела совет — кормить больного насильно. Но, несмотря на то, что Варвинский, поставивший диагноз *gastroenteritis ex inanitione* (?), и предостерегал, что больной пиявок, пожалуй, не вынесет, было

* См. также Krafft-Ebing: «Lehrbuch der Psychiatrie», S. 483. «In allen Fallen von periodischer Melancholie begleiten ausgesprochene somatische Symptome das psychische Krankheitsbild — Schlatlosigkeit, Kopfweh, Schwindel, engcontrahirte Arterien bei meist frequentem Puls, Anorexie, gastrische Beschwerden, rapider Ruckhang der Ernahrung». Kraepelin: «Einführung in die Psychiatrische Klinik» в главе *Circularre Depressionszustände*, S. 14: «Von besonderem Interesse ist bei der hier besprochenen Krankheit des Gang des Korpergewichts» и т. п. в любой монографии, посвященной этой форме психозов или в соответствующих главах трактатов и руководств по психиатрии.

решено поставить две пиявки к носу. Клименков, которому это было поручено, поставил их шесть, причем пациент был посажен в теплую ванну, а голову ему обливали холодной водой*. «В 7 часу вечера, — рассказывает дальше Тарасенков, — приехали Овер и Клименков; они велели подолее поддерживать кровотечение, ставить горчичники на конечности, потом мушку на затылок, лед на голову»... Затем ночью был дан еще каломель. Состояние страдальца-поэта в последнюю ночь уже не оставляло, однако, никакой надежды. По свидетельству того же Тарасенкова, после кровопускания и др. перечисленных выше лечебных мер «пульс скоро и явственно упал, делался еще чаще и слабее, дыхание... становилось еще тяжелее... Его подняли с постели, посадили в кресло, уже голова его не держалась на плечах и падала машинально. Тут привязали ему мушку на шею, надели рубашку (он лежал после ванны голый), он только стонал. Когда его опять клали в постель, он потерял все чувства, глаза у него раскрылись безжизненно, пульс перестал биться, произошло хрипение. Этот обморок длился несколько минут, хотя пульс вскоре возвратился, но сделался почти неприметным, он после этого уже не просил ни поворачиваться, ни пить; лежал уже на спине постоянно с закрытыми глазами, не произнося ни слова. В 12 часу стали холодеть ноги... Дыхание сделалось хрипкое и тяжелое... около 8 часов утра дыхание совершенно прекратилось».

Печально сознаться в этом и грех осуждать лечивших Гоголя врачей, они поступали по крайнему своему разумению и делали, что могли и умели, но наука наша была так еще несовершенна, а методы лечения были употреблены столь неправильные, что одною из причин кончины Гоголя приходится считать неумелые и нерациональные медицинские мероприятия.

Теперь пора резюмировать все вышеизложенное и сделать, выражаясь техническим больничным языком, *epicrisis*. Вот он:

Гоголь был субъектом с прирожденною невропатическою конституциею. Его жалобы на здоровье в первую половину жизни сводятся к жалобам неврастеника. В течение последних 15–20 лет жизни он страдал периодическим психозом в форме *melancholia periodica*. По всей вероятности, его общее питание и силы были подорваны перенесенной им в Италии маляриею. Он скончался

* Письмо к Погодину его тещи, датированное днем кончины Гоголя. См.: Барсуков. *Op. cit.*, XI, стр. 535.

в течение приступа периодической меланхолии от истощения и острого малокровия мозга, обусловленных как самою формою болезни — сопровождавшим ее голоданием и связанным с нею быстрым упадком питания и сил, — так и неправильным ослабляющим лечением, в особенности кровопусканием.

Так как я говорю сегодня перед большою неврачебною публикою, которая не всегда бывает справедлива к нашему брату-врачу, а подчас склонна с некоторым злорадством отмечать наши ошибки, то я спешу сделать оговорку. Конечно, Гоголя следовало лечить иначе и делать как раз обратное тому, что с ним делали, т. е. прибегнуть к усиленному, даже насильственному кормлению и вместо кровопускания, может быть, наоборот, к вливанию в подкожную клетчатку соляного раствора (так называемой искусственной кровяной сыворотки) и т. п. Но ведь его врачи поступали так, как им указывала тогдашняя наука. Не должно забывать, что даже болезнь, которою, по моему мнению, страдал Гоголь, впервые описана и, следовательно, введена в носологические кадры французскими психиатрами Baillarger и Falret лишь в 1854 г. *, т. е. спустя два года после смерти Гоголя.

Прежде чем винить за несовершенство науки ее делателей и слуг и в частности, так как сегодня речь идет именно об этом, прежде чем упрекать врачей, лечивших Гоголя, вспомните, что те огромные по значению успехи медицинского знания, которые достигнуты в последнее 50-летие сделаны трудом и усилиями этих же врачей, вспомните хотя бы только того знаменитого создателя современной патологии, чье имя еще на днях было по случаю празднования его 80-летнего юбилея на всех устах и не спешите осуждать врачей, ибо и в медицине, как и везде, путь к истине идет через ряд ошибок.

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ В ГОДИЧНОМ ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА НЕВРОПАТОЛОГОВ И ПСИХИАТРОВ

Вся образованная Россия собирается через несколько недель чествовать печальную годовщину кончины одного из великих писателей земли русской — Н. В. Гоголя.

Я подумал, что будет своевременно и уместно в этом публичном заседании общества специалистов попытаться бросить некоторый

* Bull. de l'Ac. de Medecine, 1854. Т. XIX.

свет на загадочные до сих пор обстоятельства его болезни и смерти — и это не пустое любопытство.

Медицинское, в частности, медико-психологическое, расследование биографии, условий творчества, нервно-психического здоровья, иногда даже симптомов предсмертной болезни великого художника есть единственный ключ, который находится в нашем распоряжении, чтобы проникнуть в ту загадочную и таинственную лабораторию человеческого духа, имя которой — творческий гений.

Этюды такого рода в особенности интересны и важны для тех, кто в науке работает именно в этом направлении. Но они представляют интерес также и для большой публики, хотя бы даже по тому одному, что по какому-то злополучному року наша родина лишалась своих художественных гениев в еще цветущем возрасте. Подумайте только, что еще наше поколение, люди сегодня еще не старые, могли бы застать в живых и быть свидетелями деятельности даже Пушкина, который всего года на три был старше В. Гюго, писателя нам современного, творившего, если можно так выразиться, еще на наших глазах, а тем паче младших членов этой же блестящей плеяды — Лермонтова и Гоголя.

С точки зрения исследования и изучения психологического механизма художественного творчества жизнь и труды Гоголя представляют особый интерес.

До сих пор загадочна его последняя болезнь и неизвестно, страдал ли он душевным расстройством и отчего он умер*. Так, например, его биограф Шенрок, в своем известном 4-томном труде, говоря о последних годах жизни Гоголя, пишет: «Последнее 10-летие жизни Гоголя представляет печальную картину медленного, но тяжелого и упорного процесса физического разрушения наряду с явным упадком таланта и болезненным напряжением религиозного экстаза. Нелепо было бы повторять избитую легенду о сумасшествии Гоголя, так долго державшуюся в публике, но нельзя в то же время отрицать несомненное нарушение в нем

* Ломброзо, в своем известном сочинении о гениальности¹¹, совершенно бездоказательно и неизвестно на основании каких данных, сообщает явно неверные сведения о болезни и смерти Гоголя, приписывает ему сексуальные аномалии и, что несомненно ошибочно, утверждает, будто Гоголь умер от сухотки спинного мозга (*tabes dorsalis*).

за последние годы, в связи с физическим расстройством, и душевного равновесия. Никто из коротких знакомых Гоголя не признавал в нем безусловно психического расстройства, хотя иные, как С. Т. Аксаков, считали его возможным в будущем; но, с другой стороны, не было также никого, кто бы решился утверждать, что в последние годы не замечалось в Гоголе чрезвычайно резкой перемены, и это впечатление современников не может быть не принимаемо в расчет при суждении о последних годах Гоголя. Одним словом, усиление в нем душевных недугов и страданий — *бесспорно*, но дошло ли оно до степени, предполагаемой многими — это большой вопрос»*.

Эти 20 строк, принадлежащие перу не-врача, содержат с нашей, медицинской точки зрения ряд противоречий и недоказанных утверждений. Почему нелепо говорить о сумасшествии Гоголя, если в то же время нельзя отрицать в нем нарушения душевного равновесия? Что в таком случае надо понимать под терминами *сумасшествие и нарушение душевного равновесия*? Какова же душевная жизнь человека, когда ближайшие друзья его, не признавая за ним безусловного психического расстройства, однако, считают таковое возможным в будущем и в таком случае почему? Если, наконец, душевный недуг действительно был, то какого характера?

Я привел эту выдержку из почтенного труда г. Шенрока для того, чтобы оправдать попытку психиатра разобраться во всех этих сомнениях и противоречиях, ибо из нее очевидно только то, что сам биограф и С. Т. Аксаков, на которого он ссылается, совершенно некомпетентны судить ни о степени душевного недуга Гоголя, ни о том, что вообще называть психическим расстройством. Недаром г. Шенрок употребляет вульгарный термин *сумасшествие*... То, что в просторечии именуется так, не совпадает с научным термином *психического расстройства* или *душевной болезни*. Последнее понятие гораздо шире; с первым же связывается обязательное представление о грубых, очевидных даже для непосвященного, симптомах, о бурном фантастическом бреде, о несомненных, и явных обманах чувств, о нелепых инкогерентных поступках и действиях.

А между тем, несмотря на недоумение современников и потомства, для самого Гоголя было подчас несомненно, что он

* Шенрок: «Материалы для биографии Гоголя», т. IV, стр. 3, 1897 г.

психически болен*; так в одном письме Погодину¹² он говорит: «Я тебя прощаю, что ты огорчил меня... Ты многого не понял... Я был болен тогда душою», а в письме к Прокоповичу¹³ еще осенью 1837 г. сознается, что «боится ипохондрии, которая гонится за мною по пятам». Во многих случаях он, сам называет свои страдания «нервическим расстройством»; в письме к художнику Иванову (из Неаполя от 28 декабря 1847 г.) он сам *определенно* признает, что «Выбранные места из переписки с друзьями» есть плод патологического творчества. «Нападения на книгу мою, — пишет он, — отчасти справедливы. Я ее выпустил весьма скоро после моего болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в надлежащий порядок». И отцу Матвею (Неаполь, 12 января 1848 г.): «...книга моя есть произведение моего *переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния... книга эта не мой род*». Ближе, чем кто бы то ни было из современников, включая сюда и многочисленных пользовавшихся его врачей, в том числе и таких светил тогдашней науки, как Овер, Иноземцев, Варвинский в Москве и Шенлейн в Берлине, он подошел к правильному пониманию своей болезни и истинной диагностике, называя ее в письмах к Плетневу и Дондукову-Корсакову¹⁴ (из Москвы 4 марта 1842 г.) *периодической* и притом в таком тоне, из которого явствует, что этот характер болезни для него несомненен и что с этим приходится примириться, как с чем-то неизбежным и роковым. Он пишет Плетневу: «Посылаю также письмо и к князю Дондукову. Я хотел у него быть в Москве, но случившееся одно обстоятельство, а потом моя периодическая болезнь, подвернувшаяся на беду, помешали». Дондукову-Корсакову: «...а потом овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, *во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии* в своей комнате, *иногда в продолжение двух-трех недель*». Скажу более. Наш великий и несчастный писатель, — очевидно, лишь благодаря своей гениальной наблюдательности, — до такой степени ясно создавал и так точно характеризовал свой душевный недуг,

* По-видимому, и материнский глаз Марии Ив. Гоголь подметил психопатические черты в характере ее сына еще в ранней юности его, как об этом можно догадываться на основании следующего указания в письме Гоголя к матери еще из школы (Нежин, 16 мая 1828 г.): «Но, впрочем, опасения ваши насчет моего мнимо-ипохондрического состояния в этом месяце напрасны».

так определенно и категорически различал свои психические страдания от своих многообразных телесных недугов, что становится просто-таки удивительным, каким образом оставались на этот счет какие-либо сомнения и недоумения у ближайших его друзей при жизни его, и после его кончины у потомства даже до самого последнего времени. Это можно объяснить себе только несовершенством учения о душевных болезнях в эпоху Гоголя, невежеством в психиатрии большинства современных ему врачей и отсутствием всякого понятия о душевных болезнях даже у высокообразованных людей того времени — и не только того времени, но и значительно позднее... А между тем в своей обширной переписке он так характерно отмечает *периодичность* появления у него того, что он называет «скукою», «хандрою», «тоскою», «состоянием ошеломления», «бесчувственно-сонным и бездейственным», «нервическою раздражительностью», и притом совершенно независимо от состояния физического здоровья, что диагностика душевной болезни его становится очевидною. Так в 1846 г. он жалуется, наприм., Смирновой (27 января, Рим) на ряд болезненных явлений (вероятно, малярийного и анемического происхождения), которые мучают его до такой степени, «что едва выбирается изо всего дня один час, который бы можно было отдать занятиям... Но при всем том Бог милостив: *я не унываю...* и мысли мои, несмотря на телесный недуг, нечувствительно зреют». Плетневу 8/20 февраля: «Как ни страдало мое тело, как ни тяжека была моя болезнь телесная, *душа моя была здорова*; даже хандра, которая приходила прежде в минуты более сносные, не посмела приближаться. *И те душевные* страдания, которых доселе я испытал много и много замолкнули вовсе». Языкову (26 февраля): «Как ни сильны были телесные недуги, *но душа моя не болела и хандра не приходила*». Графиням Виельгорским¹⁵ (7 апреля): «Что вам сказать о моем здоровье телесном? Оно не завидно... *Мое душевное здоровье* лучше прежнего». Невозможно, казалось бы, быть более точным и категоричным и нельзя с большею яркостью отметить, что болезненные явления со стороны телесного здоровья были ничтожны по сравнению с психическими страданиями, возобновлявшимися с такою роковою периодичностью, что больной с радостью отмечает, что «ни хандра, ни скорбь *еще* не находили» на него (письмо к Толстому 2 января 1846 г.) и с ужасом опасается их приближения и предчувствует их появление. Например (к Языкову. Франкфурт, 15 марта 1846 г.): «Занятия не идут

никак. Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние». Ему же (1 мая 1845 г.): «не хандра, но болезнь, производящая хандру, меня одолевает». Шереметевой (25 июля 1846 г.): «Молитесь, друг мой, да не оставляет меня (Бог) в минутах невыносимой скорби и уныния, которые я уже чувствую и которых, может быть, целый ряд предстоит мне впереди, в степени сильнейшей»... Перед поездкой в Палестину Гоголь сочиняет даже особую молитву, которую рассылает нескольким ближайшим друзьям с просьбой помолиться о нем по «этой записочке... сверх того, что находится в обоих молебнах» (Ж Шереметевой. Неаполь, января 22 1848 г.). В этой специальной, нарочито составленной молитве, мы читаем: «Душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его! Удали от него духа колебаний, духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожного духа робости и боязни!»

Стоит только в этом молитвенном вопле исстрадавшегося большого писателя вместо религиозно-мистических образов, в которых старался он описать посещавшие его мучительные душевные состояния, подставить теперешнюю научную терминологию, и мы получим полную симптоматологию его психоза, как будто заимствованную из соответствующей главы современного «учения о душевных болезнях».

Существует распространенное в публике заблуждение, будто человек, страдающий психозом, не сознает и не может сознавать своей болезни. Это совершенно ошибочно. Напротив, весьма часто, особенно в начале заболевания, такое сознание очень ярко, и больной мечется во все стороны за помощью, мучительно ощущая надвигающуюся на него грозу. Для болезни, которою страдал Гоголь, о чем ниже, такое состояние не только обычно, но даже характерно*. Именно этим я и объясняю следующий загадочный для его биографов инцидент из последнего периода в жизни Гоголя. В начале своего предсмертного заболевания Гоголь с Никитского бульвара, где он жил, в сырой, холодный, ветреный и темный февральский вечер отправляется на извозчике на другой конец города, за Сокольники, в Преображенскую больницу. Подъехав, он сходит с саней, ходит взад и вперед у ворот, затем долгое время остается в поле, около

* См., наприм., Крепелин. Психиатрия. Глава о периодических депрессивных формах (стр. 329): «Чувство собственного нездоровья всегда очень выражено. Поэтому нередко больной является в больницу добровольно».

больницы, стоя на одном месте в снегу, наконец, садится в сани и уезжает обратно. Это, очевидно, не просто прогулка. Тарасенков*, передающий этот эпизод, подозревает, не хотел ли Гоголь посоветоваться с известным в то время, содержавшимся в этой больнице Ив. Яковл. Корейшою¹⁶, больным, слышшим за прорицателя. Такое объяснение я считаю совершенно невероятным. Несмотря на мистическое настроение Гоголя в последнее 10-летие его жизни, невозможно предположить, чтобы он был склонен к столь грубым предрассудкам. Напротив, гораздо вероятнее, что духовный сын известного своей строгостью о. Матвея счел бы такой поступок греховным. Случай этот разъясняется легко, если вспомнить, что Преображенская больница и тогда, и значительно позже, была единственным в Москве общественным учреждением для душевнобольных, что Гоголь знал об этом и, как это характерно для больных его типа, почуяв грозящую его душевной жизни катастрофу, бросился за помощью туда, но в столь же характерной для его страдания нерешительности остановился перед воротами больницы.

К сожалению, должно признаться, что он напрасно бы постучался в двери этого учреждения: русская психиатрия была в те годы в таком печальном положении, что едва ли исстрадавшийся поэт нашел бы там ту помощь, которой, может быть, искал**. Пишущий эти строки 20 лет тому назад застал Преображенскую больницу, еще до перехода ее в ведение городского управления, — больницу ведомства приказа Общественного призрения, и может засвидетельствовать, что даже спустя 30 лет после кончины Гоголя это было не лечебное заведение, а просто — дом умалишенных, на воротах которого по праву могла бы красоваться надпись дантовского ада. Из архивных дел этой больницы видно, что в год смерти Гоголя в ней служили в качестве старшего врача и ординаторов — д-ра Саблер***, Красовский и Сокольский. В числе консультантов

* Тарасенков: «Последние дни жизни Гоголя». СПб., 1857 г., стр. 11 и 27.

** Для характеристики этой больницы в Гоголевскую эпоху заимствую из «Исторического очерка о Преображенской больнице» д-ра Константиновского, следующие строки: «В 1839–40 гг. прежние меры стеснения были заменены стульями, называемыми *chaise de force*. В 1850 г. введено в коридорах и по главным залам освещение ламповым маслом; для освещения же отдельных комнат по-прежнему употреблялись сальные свечи и только на «ужинное» время.

*** Имя д-ра Саблера сохранилось в психиатрической литературе как автора одной специальной статьи и нескольких больничных отчетов.

у постели больного писателя мы не встречаем ни одного из этих, в то время, вероятно, единственных в Москве врачей, знакомых теоретически и практически с психиатрией. Первые два в те годы уже имели частную лечебницу для душевнобольных, где, вероятно, врачебное вмешательство было активнее и уход лучше, чем в Преображенской больнице, и следует, может быть, пожалеть, что к их содействию не обратились ни гр. А. П. Толстой, у которого жил Гоголь в последнее время своей жизни, ни приглашенные к нему врачи.

Обратимся к биографии великого писателя и посмотрим, в чем выразалась его душевная болезнь? Когда она началась и каковы были ее симптомы? Как классифицировали бы мы ее и какой диагноз поставили бы сегодня? Должна ли была она неизбежно привести так быстро к смертельному исходу или были тому еще какие-либо другие причины? Постараемся сделать это исследование по той же программе, по которой обыкновенно пишем мы наши истории болезни.

В той главе такой *historia morbi*, которую мы, врачи, называем семейным анамнезом, должно отметить следующее: 1) Гоголь родился от слишком молодой матери: Мария Ивановна Гоголь-Яновская вышла замуж в 14 лет и Николай Васильевич был ее первенцем. 2) Несмотря на свой мягкий и нежный, полный эстетического чувства характер М. Ив. Гоголь была все таки женщиною несомненно психопатического темперамента. Ближко знавшие ее и всю семью Гоголей, школьный товарищ Николая Васильевича, относительно недавно скончавшийся Данилевский* и Трахимовский**¹⁷, — прямо-таки считали ее ненормальною. К такому заключению она подавала

* Изустное сообщение мне известного биографа Гоголя — Вл. Ив. Шенрока, имевшего случай говорить с Данилевским и получить от него непосредственно данные о впечатлении, которое производила мать Гоголя.

** Трахимовский в статье, посвященной М. Ив. Гоголь (Русская Старина 1888 г., июль), рассказывает о ней следующее: «Настроение М. И. Гоголь часто стояло в зависимости не столько от внешних причин, сколько от свойств ее характера; добрая, религиозная, сострадательная, готовая всегда помочь, М. И. Гоголь вместе с тем была крайне впечатлительна и подозрительна: бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния». По всему тому, что известно теперь о психике М. И. Гоголь, можно с уверенностью сказать, что слово «почти», которым ради выщей осторожности пользуется здесь Трахимовский, могло бы быть вычеркнуто из приведенной цитаты без ущерба для истины.

повод своею страшною подозрительностью, подчас принимавшей, по рассказам ее родных, характер бредовых, навязчивых идей, своим удивительным легкомыслием в практических делах, на что мы находим много указаний в ее переписке с сыном и в рассказах о ней ее дочерей, которые передают, наприм., что появление в Васильевке коробейника вызывало массу совершенно ненужных и даже в кредит покупок, так что потом приходилось догонять разносчика, чтобы возратить ему излишне-приобретенные вещи и, наконец тем, что Шенрок называет «болезненною мечтательностью» ее, ибо она способна была по нескольким часам находиться в состоянии какой-то странной задумчивости, причем и выражение лица ее резко изменялось. Судя по некоторым местам в письмах Николая Васильевича, надо полагать, что и он сам не обманывался насчет психопатического состояния М. Ив. Гоголь. Так наприм., он пишет сестре Анне Васильевне (из Рима 12 апр. 1839 г.): «Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумел душевную, умственную болезнь, о ней была речь». И в письме к матери (Москва, 24 мая 1850 г.): «Ради Христа, берегите себя от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть».

Своего гениального сына, своего «Никошу», она прямо-таки обожала, но и в этом выходила за пределы нормальной материнской психологии, как далеко ни отодвигать эти пределы; так наприм., она приписывала ему весь новейший технический прогресс: изобретение телеграфов, железных дорог и т. п., и не было никакой возможности разубедить ее; рассказывая об этом, она немало сердила сына. 3) Должно отметить также, что между ближайшими родственниками Гоголя наблюдались душевные заболевания. Так, выраженным психозом страдал племянник его Трушковский¹⁸.

Отец Гоголя, Василий Афонасьевич, был, по словам Данилевского, человек в высшей степени интересный, бесподобный рассказчик и обладал несомненным эстетическим чутьем и литературным талантом, писал стихи, и ему принадлежит авторство двух комедий, которые сын его высоко ценил и о которых критика того времени отзывалась, «что он из родного быта интересно и умно почерпнул элементы своей комедии». Здоровья он был слабого; мудрено определить теперь, чем он страдал, но умер он далеко не старым — всего 44-х лет от роду. Еще необходимо отметить, что и Вас. Афон., и М. Ив. Гоголь отличались очень большою мнительностью вообще и в частности по отношению к болезням.

Личный анамнез нашего поэта таков: по совету близкого друга семьи Гоголей, тогдашнего черниговского губернского прокурора, Баженова, — Николай Васильевич Гоголь на 12 году был помещен в только что открытый Нежинский лицей. Здесь, по отзывам его школьных товарищей и на основании других данных, относящихся к этой эпохе, можно сказать, что это был золотушный, бледный, болезненный мальчик, уже в те годы, вероятно, мнительный или преувеличивавший свои страдания; так в письме к родителям от 10 октября 1822 г. он пишет: «я опасно был болен». Подобное же известие повторяется через год в октябре 1823 г. Весною 1827 года он пишет Высоцкому¹⁹: «об себе скажу, что я пролежал целую неделю больным, был болен весьма опасно, даже отчаявался об выздоровлении».

Учился плохо*, был порядочным шалуном, но уже в то время заметным по своему большому юмору и художественному дарованию. Развитие его было, по-видимому, быстрое, но позднее.

В декабре 1828 г. Гоголь переехал в Петербург. Следующие 7 лет — суть лучшие годы его жизни, время расцвета его гения и сознания своей творческой миссии. Он пишет матери: «Мне предлагают место с 1,000 р. жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время и на совершенные пустяки?»

К этой же эпохе относится его сближение с Пушкиным и с знаменитой, обаятельной по своему уму и красоте фрейлиной Россет, в салоне которой собиралась вся вельможная и умственная аристократия того времени. Влияние этих двух лиц было в жизни Гоголя определяющим, можно сказать, роковым. Относительно Россет достаточно вспомнить, что из нее вышла впоследствии та самая знаменитая калужская губернаторша — Смирнова, которой адресована часть вызывавшей негодование Белинского и много других современников Гоголя «Переписки с друзьями», той самой переписки, о которой герой «Отцов и детей» говорит у Тургенева — «скверно во рту, — точно писем Гоголя к калужской губернаторше начитался»; вспомните также, что это та самая А. О. Смирнова, которая в сороковых годах поселяется в Риме и на Ривьере одновременно с Гоголем и, сама подпадая под его влияние, создает и ему искусственную и нездоровую атмосферу, — частью в виде постоянного общества Виельгорских, Толстых и Апраксиных²⁰,

* Кульжинский. «Воспоминания учителя». Москвитянин, 1854 г., № 21.

которое, по свидетельству его биографов, могло только усилить свойственную ему склонность к мистицизму, частью и потому что сама она, в то время уже поблекшая и блазирванная красавица, находилась в периоде нравственного кризиса и, как выражается Шенрок, «жгучей потребности очистить себя от мутных осадков многолетней, бесцельной велико-светской толчей» *. Что же касается до Пушкина, то для того, чтобы оценить степень его морального значения для Гоголя, достаточно вспомнить его собственное лирическое восклицание. «Пушкин! Какой прекрасный сон видел я в моей жизни». И потом, когда в Париже дошла до него весть о кончине Пушкина, — он, убитый и удрученный, говорит Ал. Ив. Тургеневу²¹: «Ты знаешь, как я люблю свою мать, но если бы я потерял даже ее, то так не мог бы быть огорчен, как теперь — Пушкин в этом мире не существует больше»... Из авторской исповеди известно, что Гоголь долго колебался между литературой и другими профессиями, пока Пушкин, пораженный художественным достоинством прочтенного ему отрывка, не взял с Гоголя слово написать большое сочинение и известно также, что темы «Ревизора» и «Мертвых Душ» были подсказаны Гоголю Пушкиным. До дня гибели Пушкина написаны все лучшие произведения Гоголя, после этого он только мучительно бьется над 2-ю частью «Мертвых Душ» **. С удивительным чутьем отмечает

* Близко знакомый со всем этим кружком, С. Т. Аксаков называет А. О. Смирнову в этом периоде ее жизни «кающейся Магдалиной» и считает влияние ее, ибо, по его «простому человеческому смыслу Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны», еще более вредным, чем влияние перечисленных выше лиц, о чем он, однако, отзывается так: «В это время сошелся он (Гоголь) с гр. А. П. Толстым и я считаю это знакомство решительно губительным для него. Не менее вредны были ему дружеские связи с женщинами большей частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы им поддерживают или возвращают их на путь добродетели. Некоторых я даже не знаю, назову только Виельгорскую, Соллогуб и Смирнову». Аксаков: «История моего знакомства с Гоголем».

** Письмо С. Т. Аксакова, помеченное «одним сыновьям» от 23 февраля 1852 г.: «У Гоголя было два состояния: творчество и вдохновение. Первое давно уже, вероятно, вскоре после выхода «Мертвых Душ», перешло в мученичество, может быть сначала благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку».

С. Т. Аксаков, что после кончины Пушкина Гоголь сделался болен и телом, и духом, и уже никогда не выздоровел совершенно. И уже первый биограф Гоголя, Кулиш, указывает на то, что «смерть Пушкина положила в жизни Гоголя резкую грань... При жизни Пушкина — Гоголь был один человек, после его смерти сделался другим». Вообще же биографы Гоголя отмечают, что зерно будущего аскетически-извращенного отношения к литературе может быть замечено у Гоголя еще при жизни Пушкина, но обаяние и авторитет последнего были так колоссальны, что с значительной вероятностью можно предположить, что пуля Дантеса погубила не одну, а две славы русской словесности: скосила Пушкина и дала Гоголю такой моральный шок, от которого он уже никогда более не оправился, — именно время смерти Пушкина совпадает у Гоголя с явным понижением художественного творчества, упадком его гения и болезненным отношением к окружающему.

Дело будущих историков литературы проследить в его постепенных фазисах — этот сложный психологический процесс, приведший мягкого юмориста пасечника Рудого Панька, потом грозного сатирика, от которого, по выражению Императора Николая, «досталось всем, а всех больше мне самому», в домашнюю молельню Толстых и в исповедальню аскета и мистика отца Матвея, а в литературе к радикальному отрицанию всего того, чем он жил и что сделал ранее.

Та задача, которая лежит в пределах моей компетенции, указывается мне самими биографами Гоголя. Так, Шенрок говорит, напр., «что нравственное состояние Гоголя заслуживает особого изучения с иной, специально психологической (даже психиатрической) точки зрения», а Коялович^{*22} напоминает, «что биография художника... не может быть только летописью внешних фактов его жизни и деятельности; она должна обратиться, во-первых, к изучению духовной анатомии и физиологии того сложного целого, которое мы называем именем великого человека».

Этим мы и займемся сейчас.

В этюдах этого рода надо различать две стороны: 1) психологический склад личности и в частности ее неправильные психопатические особенности и 2) развившуюся на этой почве душевную болезнь, буде такова была в действительности.

* Коялович: «Детство и юность Гоголя». Московский Сборник, 1887 г., стр. 203.

В читающей большой публике очень распространена идея, впервые высказанная еще Аристотелем, повторенная затем многими крупными психофизиологами, напр., Maudsly, Moreau (de Tours) и др. и очень популяризованная в последнее время Ломброзо — о патологическом происхождении гения, о ближайшем родстве гениальности и помешательства.

В одной из предшествующих моих работ*, посвященных изучению психологического механизма гениального творчества, я уже указывал на то, что в основе этого воззрения лежит, быть может, неверная интерпретация фактов истинных и правильно констатированных.

Если все наши биологические воззрения настолько и в такой мере проникнуты эволюционной теорией, что стоит выдернуть эту основу из под наших научных построений, чтобы все здание рушилось, то я не вижу причины, почему по поводу гения и его психопатических особенностей мы должны говорить непременно о дегенерации, следовательно, о возвращении к типу пережитому, оставшемуся позади, а не о прогенерации, о предвосхищении некоторого будущего высшего типа — предвосхищении, конечно, неполном и несовершенном и уже поэтому самому представляющемуся нам с болезненным патологическим оттенком.

Представим себе, напр., фабрику скрипок. Очевидно, браку выйдет очень много из той партии товара, которая выделялась для воспроизведения драгоценных инструментов по образцам Страдивариуса или Амати²³, тогда как рыночная партия грубых дешевых инструментов почти совсем не даст отброса.

Из фабрики человеческих душ, может быть, до сих пор не вышло ни одного инструмента — без изъяна, безукоризненного по гармонии всего психического склада, а выходили только более или менее удачные приближения к некоторому идеальному будущему типу. Этим, может быть, и объясняются те психопатические особенности, те низменные черты, которые встречаются в биографиях даже величайших людей.

Впрочем, дегенерация или прогенерация — это вопрос, конечно, спорный, но несомненно, что в психике Гоголя мы даже в ранние годы отмечаем многие болезненные стороны: это, во-первых, дисгармоническое сочетание его душевных свойств — сам Гоголь указывает на это в письмах к матери. Еще в школьном письме (1-го марта

* См. «Больные писатели и патологическое творчество» в Сборнике: «Помощь еврейам, пострадавшим от неурожая» 1901 г.

1828 г.) читаем мы: «Правда, я почитаюсь загадкою для всех; никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренне сам смеялся над собою вместе с вами? Здесь меня называют смиренным, идеалом кротости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., в третьем — болтлив и докучлив до чрезвычайности, у иных умен, у других — глуп». А в письме из Любека (авг. 13, 1829 г.): «Часто я думаю о себе, зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире — чистую пламенеющую жаркую любовь ко всему высокому и прекрасному душу, зачем Он дал всему этому такую грубую оболочку? Зачем Он одел все это в такую *странную* смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения».

С этою характеристикою, которую Гоголь дает сам себе, совершенно совпадают отзывы о нем близко стоявших к нему современников, которых он удивлял противоречиями, казалось бы непримиримыми в своем характере. Так, в «Воспоминаниях о Гоголе» Арнольди^{*24} мы читаем, напр., «Через несколько дней после этого чтения, я и брат мой К. (онстантин) О. (сипович) Р. (оссет) собрались поздно вечером у графа А. (лексея) К. (онстантиновича) Т. (олстого), который был тогда в Калуге. Разговор зашел о Гоголе; каждый из нас делал свои замечания о нем и его характере, о его странностях. Разбирали его как писателя и как человека, и многое казалось нам в нем необъяснимым и загадочным. Как, напр., согласить его постоянное стремление к нравственному совершенству с его гордостью, которой мы все были не раз свидетелями? Его удивительный тонкий, наблюдательный ум, видный во всех сочинениях, и вместе с тем, в обыкновенной жизни, какую-то глупость и непонимание вещей самых простых и обыкновенных? Вспомнили мы также его странную манеру одеваться и его насмешки над теми, кто одевался смешно и без вкуса, его религиозность и смирение, и слишком уже подчас странную нетерпеливость и малое снисхождение к ближним; одним словом, нашли бездну противоречий, которую, казалось, трудно было и совместить в одном человеке».

В биографии его в этом отношении приходится встречаться со странностями почти патологическими и с трудом объяснимыми,

* Русский Вестник, 1862 г., № 1.

наприм., когда он — человек без всякой научной подготовки — искал кафедры всеобщей истории и с изумительным самомнением надеялся затмить «вялых», как он выражается, профессоров того времени. Или то, что он иногда не брезгает грубою лестью и в этом с удивительною наивностью сознается сам. Или странное и необъяснимо-обидное лукавство, наприм., в этом до сих пор загадочном инциденте с матерью, которую он, по собственному признанию, нежно любил и которую так оскорбительно обманывал, когда по возвращении из-за границы в течение некоторого времени писал ей из Москвы письма, помеченные Триестом, Веною и т. д., с непонятною до сих пор целью. Или его жестокая выходка по отношению к нежно любившему его семейству С. Т. Аксакова. Или, наконец, его чрезвычайно странная первая поездка за границу, когда он, собравшись надолго, возвратился в С.-Петербург, пробыв за границую очень короткое время, и на все вопросы об этом упорно отмалчивался.

Есть одна сторона жизни, освещение которой было бы чрезвычайно интересно для установления основных черт психологии или психопатологии Гоголя, — именно отношение его к женщинам. Это вообще психологическая реакция, весьма важная для характеристики личности и анализа ее душевной жизни. По отношению к Гоголю это было бы в особенности интересно, ибо если бы оказались достоверными смутные слухи, до сих пор циркулирующие по этому поводу, то мы натолкнулись бы, может быть, на явно психопатические симптомы. Однако, несмотря на то, что до сих пор еще живы кое-кто из лиц, знавших и встречавших Гоголя или его близких друзей, несмотря на то, что и я в течение этого исследования обращался к людям, которые могли быть хорошо осведомлены — я получил только весьма неопределенные и часто противоречивые указания; наконец, несмотря на обильный эпистолярный материал, даже его отношения к А. О. Смирновой остаются загадочными*. Так что эту сторону жизни и психологии Гоголя приходится оставить без должного расследования и оценки.

* Судя однако по некоторым отрывочным намекам, наприм., его признанию на этот счет д-ру Тарасенкову и нескольким строкам в письмах к Данилевскому — надо предположить, что отношения его к Смирновой были, несмотря на настойчиво ходившие слухи, совершенно платоничны и что вообще половое чувство было в нем резко понижено даже в молодые годы. См. также по этому поводу статью Черницкой в Северном Вестнике, 1890 г. и возражения ей Шенрока.

Но и того, что уже сказано выше, достаточно, чтобы характеризовать его как натуру, обладавшую гениальной художественной интуицией, но с дефектами интеллектуальной и моральной сторон и вообще очень выраженной дисгармонией душевных сил, способностей и действий.

Уже в самом цветущем возрасте Гоголь — типичный неврастеник, как сказали бы мы теперь. Неврастеник с ипохондрическими идеями. Может быть, даже с детства: аналогичные жалобы на здоровье встречаются уже в самых ранних письмах к родителям от 1821 г. Еще в 1832 г. он в письме к Погодину называет свое здоровье хилым и удивляет только что познакомившегося с ним С. Т. Аксакова, которому он показался тогда совершенно здоровым, жалобами на свою болезнь, причина, которой «находится в кишках», и утверждением, что болезнь его неизлечима*; в 1834 г. уверяет, что его здоровье еле держится; в 1839 г. пишет из Италии, что оно *non vale un fico* (не стоит ни фиги). Между тем жалобы его сначала весьма неопределенны: «Мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печёнке и спине. Иногда болит голова, немного грудь»; или в другом письме: «голова моя страдает всячески, если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно, малейшее движение производит в голове такое странное ощущение, как будто она хотела треснуть» и т. п. в том же роде.

В 1838 г. Гоголь совершенно серьезно пишет Данилевскому в Париж, чтобы тот выбрал ему парик, так как он собирается обрить себе голову, надеясь в этом найти облегчение от постоянных головных болей; затем следует в том же письме (от 16 мая 1838 г. из Рима) характерное описание того, что мы называем теперь «неврастенической каскою»: «тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, которое я должен беспрестанно стараться рассеивать». А годом позднее в письме к Прокоповичу (Женева, 19 сен. 1839 г.) он жалуется: «чувствую, что на мозг мой как будто бы надвинулся какой-то колпак, который препятствует мне думать, — душит мои мысли». В том же 1838 г. он пишет (25 июня 1838 г.) Вяземскому: «всякое занятие, самое легкое, отяжелевает мою голову» и Погодину (20 ноября 1838 г.): «работа моя вяла, нет той живости». Как видите — типичные жалобы не-

* С. Т. Аксаков: «История моего знакомства с Гоголем», стр. 6.

врастеника, и они с разными вариантами повторяются в течение всей жизни Гоголя. Ни в это время, ни позднее, ни даже во время предсмертной болезни невозможно было констатировать объективно никаких сколько-нибудь существенных патологических изменений в его организме. Так, в 1845 г. он заезжает в Галле к тамошней знаменитости доктору Круккенбергу и затем пишет Языкову (из Карлсбада 25 июля 1845 г.): «Круккенберг, осмотревши и ощупавши меня всего — спинной хребет, грудь и все высохнувшее мое тело и нашед все в надлежащем виде, решил, что причина всех болезненных припадков заключена в сильнейшем нервическом расстройстве... произведшем все недуги». Тогда же он обращается к знаменитому Шенлейну и пишет гр. Толстому (1 сен. 1845 г.), что тот решил, что «во мне расстройство в нервической системе, так называемое *nervoso fascoloso (sic!)*», и назначил ему легкое водолечение — обтирания по утрам мокрой простыней, а затем морские купанья. Единственно объективно констатированными болезненными явлениями были явления хронического катара кишечника и геморроя. Даже на смертном одре его, говорит Д. Тарасенков, «единственным важным припадком, продолжавшимся несколько дней, была констипация».

На такой неустойчивой нервно-психической почве развилась настоящая душевная болезнь.

Ради простоты изложения я сразу скажу вам, какой диагноз следует, по моему мнению, поставить. Гоголь приблизительно в течение всей второй половины своей жизни страдал тою формою душевной болезни, которая в нашей науке носит название периодического психоза, в форме так называемой периодической меланхолии. По моему убеждению, единственное сомнение, которое может возникнуть по поводу этой диагностики, заключается в том, не будет ли правильнее отнести страдания Гоголя в ту подгруппу периодических психозов, которая в науке именуется психозами циркулярными и характеризуется более или менее правильными сменами маниакального или экзальтационного фазиса болезни, в котором настроение духа повышено, восприятие внешних впечатлений облегчено, повышены также самочувствие и склонность к деятельности, и фазиса меланхолического, депрессивного, в котором картина болезни характеризуется угнетением психики, задержкою психических актов подавленным тоскливым настроением, причем, иногда эти фазисы разделены светлыми промежутками относительно нормальной душевной деятельности.

Но это будет уже спор о деталях. Да и классификационной грани между психозом циркулярным и периодическим *proprie sic dictum* психозом не всегда возможно провести строго. Хотя в биографии Гоголя и находятся указания на периоды повышенного самочувствия*, но они выражены не резко; напротив, очень резко выражены и доминируют в картине болезни периоды депрессивные; я поэтому предпочитаю остановиться на диагнозе периодической меланхолии**, интерпретируя относительно короткие состояния возбуждения, приподнятого тона и повышенных самочувствия и самомнения, как те маниакальные введения и послесловия к приступам периодической меланхолии, которые так обычны в картине этой болезни.

Для подтверждения этой диагностики и для того, чтобы убедить вас в верности ее — я прибегну к самому простому приему: я сопоставлю характеристику данного страдания из какого-нибудь распространенного догматического трактата по душевным болезням с тем более или менее отрывочным описанием болезненных ощущений Гоголя — какое дает он сам в своей переписке.

В главе о периодической меланхолии, в известном курсе психиатрии покойного проф. Корсакова мы читаем: «В случаях периодической меланхолии особенно выражено чувство глубокой апатии, ощущение безжизненности, отчужденности». У Гоголя (в письме к Балабиной, 1842 г., без даты): «Вижу знакомые родные лица, но они мне кажутся не здесь родились, а где-то их в другом

* См., наприм., письмо к С. Т. Аксакову 5-го ноября 1841 года из Рима: «Я глубоко счастлив, несмотря на мое болезненное состояние... я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей... Здесь видна мне святая воля Бога: подобное внушение не происходит от человека, никогда не выдумать ему такого сюжета... Меня теперь нужно лелеять... Конечно, эта ваза вся в трещинах, довольно стара и еле держится, но в этой вазе теперь заключено сокровище»... Не должно забывать, что времени написания этого письма предшествовал несомненный и тяжелый меланхолический приступ, перенесенный в Вене и Риме.

** Краепелин: «Психиатрия», ч. II, стр. 333–334. «Очень может быть, что некоторые случаи из категории в начале описанных (т. е. периодических) относятся собственно к циркулярному помешательству. Если известны циркулярные формы с сильным преобладанием маниакальных приступов, то, несомненно, существуют формы с приступами преимущественно депрессивного характера. Поэтому нельзя отрицать возможности проявления всех приступов кругового помешательства изредка и в форме лишь депрессивных состояний... Они скорее всего напоминают нам некоторые длительные психопатические состояния, на почве которых такие формы, очевидно, и разыгрываются»...

месте, кажется, видел; и много глупостей непонятных мне самому чудится в моей ошеломленной голове. Но что ужасно, что в этой голове нет ни одной мысли и, если вам нужен теперь болван для того, чтобы надевать на него вашу шляпу или чепчик, то я весь теперь к вашим услугам». Едва ли можно более образно и более ярко охарактеризовать это ощущение безжизненности и отчужденности, которое как типичный симптом занесено в соответствующую рубрику учения о душевных болезнях.

В психиатрии меланхолия определяется как такая душевная болезнь, которая характеризуется, во-первых и прежде всего, изменением душевного чувства в форме появления душевной боли, доходящей до щемящей тоски, отчаяния и ужаса.

Не менее характерно в письмах Гоголя описание и этого кардинального симптома меланхолии — тоски и того особого состояния, которому по-русски нет настоящего наименования, по-латыни же *anxietas*, по-французски *angoisse*.

В письме к Погодину Гоголь, описывая только что перенесенный в Вене приступ болезни, говорит: «Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. И двух минут не мог оставаться в таком положении ни на постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное беспокойство, в котором я видел бедного Виельгорского в последние минуты жизни. Письмо это (из Рима от 17 октября 1840 г.) чрезвычайно интересно и важно для нашего исследования, ибо, во-первых, оно начинается с того определенного признания в душевной болезни, которое я уже цитировал выше, и, во-вторых, дает подробную симптоматику перенесенного Гоголем в 40-м году меланхолического приступа. Он пишет: «...О, как бы не хотелось мне открывать своего состояния!.. но знай все!.. Нервическое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Все мне бросилось разом на грудь. Я испугался, я сам не понимал своего положения... Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно: тяжесть в груди и давление никогда дотоле мною не испытанное, усилилось. По счастью доктора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания». Далее следует только что приведенная мною выше характеристика этой тоски, как смертного ужаса, и несколько строк о переезде в Рим, но «ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровывало меня, ничто

не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую. Друг мой, вот тебе мое положение. Не хотелось бы, страшно не хотелось бы открывать его... Письмо мое издери в куски».

Эти мучительные психопатические ощущения апатии, тоски и ужаса по временам обостряются до такой степени, что, как это и свойственно меланхолическим состояниям, у Гоголя возникает даже мысль о самоубийстве; в начале 1846 г. он пишет, что он переносит «такие тяжкие и болезненные состояния, что повеситься или утопиться кажется ему как бы похожим на какое-либо лекарство».

Придерживаясь того же приема, возвращаюсь снова к учебникам.

В новейшей и очень обстоятельной монографии Pilcz'a, посвященной периодическим психозам*, мы находим следующее определение интересующего нас душевного расстройства: «Периодическая меланхолия характеризуется периодическим возвращением меланхолических состояний, которые выражаются простыми элементарными расстройствами душевной деятельности, именно боязливо-тоскливою подавленностью и заторможением психомоторной к ассоциационной областей, при ясности сознания и обыкновенно при отсутствии бредовых идей и обманов чувств».

Заимствую также, в очень распространенном руководстве психиатрии проф. Крепелина, из главы о периодических депрессивных психозах следующую их клиническую характеристику:

«У больных обнаруживается упадок духа, состояние угнетения, нелюдимость; они испытывают ощущение тревоги, стеснения, чувствуют себя неспособными к работе, теряют аппетит и лишаются сна... однако, обыкновенно аффект не бывает очень сильным и больной в достаточной степени владеет сознанием... поведение больных большею частью вполне правильное. В присутствии чужих людей они могут хорошо владеть собою, вести разговор, могут временно отвлекаться от своих мыслей... сон всегда весьма недостаточный; аппетит — умеренный, вес тела падает».

При более легких приступах «болезнь выражается лишь чувством простого внутреннего беспокойства... У больного возникает мрачное, угнетенное настроение... упадок духа... при этом сознание вполне сохранено... хотя у больного и возникают «дурные мысли», но они

* Dr. A. Pilcz: «Die periodische Geistesstörungen». 1901, s. 107, у него же стр. 110 «Для периодической меланхолии характерно появление простых меланхолических состояний без бреда (*melancholia sine delirio*).

не касаются его прошлого и *выражаются в религиозных сомнениях, в печальных опасениях за будущее (неизлечимость...)* о своем состоянии они во всякое время говорят охотно и связно и даже имеют явную потребность в утешении... вес тела... падает... пищеварение вялое... иногда приходится слышать жалобы на неприятные ощущения и легкие колики в животе... первый приступ болезни может обнаруживаться около 20-го года жизни, но большее свое развитие болезнь получает, по-видимому, лишь позднее. Промежуточные периоды между приступами длятся в начале по несколько лет и затем могут постепенно все более и более укорачиваться. Вообще болезнь имеет склонность, так сказать, застаиваться в том отношении, что послабления ее становятся менее и менее полными и в конце концов устанавливается стойкое болезненное состояние с периодическими ухудшениями и улучшениями».

Вот клиническая схема такая, как ее дает современное учение о душевных болезнях. Как вы уже заметили, надеюсь, и в чем вы еще больше убедитесь дальше — в эти рамки легко и без натяжки укладывается вся симптоматология болезни Гоголя. И те явления, которые, как периодически наступавшие состояния апатии, тоскливой тревоги, неспособности работать, навязчивые идеи мистического характера — наводили друзей Гоголя на мысль о душевном заболевании и также те явления, которые и для них и для позднейших биографов многострадального писателя казались противоречащими такому предположению: сохранение ясности сознания даже на высоте приступа, известного самообладания (в особенности на людях) и способности даже в худшие моменты разговаривать связно. В приведенном клиническом очерке вы найдете даже второстепенные патологические симптомы, которые отмечаются в истории болезни Гоголя: беспорядки со стороны брюшной полости, упадок питания, похудание. Даже срок наступления болезненных приступов указан точно. Если наша догадка относительно 1833 г. верна, то Гоголь перенес первый приступ болезни в возрасте, около 24 лет и также верно, что в течение последнего 5-летия его жизни трудно уже говорить о периодических припадках психоза; промежутки между периодами становятся неясными и правильнее сказать, что установилось длительное и постоянное болезненное состояние с чередующимися улучшениями и ухудшениями.

